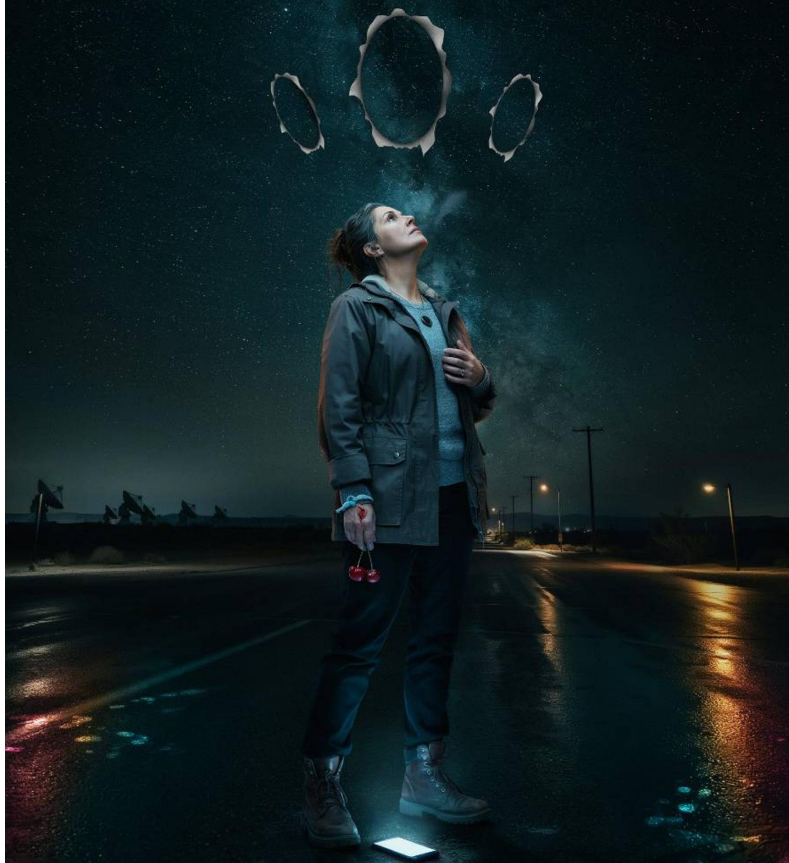

Коллекционеры Реальности

Эдуард Сероусов

Эдуард Сероусов

Коллекционеры Реальности

<https://litres.ru/74131532>

SelfPub; 2026

Аннотация

Астрофизик Лия Коэн замечает в небе странные пустоты: звёзды исчезают по одной, не вспыхивая и не темнея, словно их кто-то аккуратно вынимает. Точки гибели складываются в конус, остриё которого направлено на Землю — и на проект «Маяк», только что отправивший человечество в эфир первым осознанным сигналом. Опальный теоретик Элиас Рот, двадцать лет назад объявленный сумасшедшим, узнаёт в происходящем то, чего боялся всю жизнь. У Лии есть недели, чтобы понять, что именно ответило на наш зов, и несколько часов, чтобы выбрать между двумя катастрофами. На фоне гаснущего неба — её собственная закрытая комната, в которой три года живёт голос мёртвой дочери.

Содержание

Часть 1. Маяк	4
Часть 2. Кассандра	16
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Эдуард Сероусов

Коллекционеры Реальности

Часть 1. Маяк

1

Голос Майи длился восемь минут, и Лия знала его наизусть — каждый вдох, каждую паузу, ту секунду на исходе первой минуты, где Майя сбивалась и принималась хохотать над собственной серьёзностью. Лия слушала запись в зале управления, в три часа ночи, при четырёх градусах тепла. Охлаждение держало аппаратуру холодной. Людей не держал никто; люди здесь были временные, как стаканчики из-под кофе.

— Мам, ты спишь? — сказал телефон, лежавший экраном вверх на пульте, между остывшей чашкой и клавиатурой. — Наверное, спишь. Или считаешь свои штуки.

Свои штуки. Девять лет — и уже умела поддеть.

— Я хотела сказать. Я открыла. У себя на потолке. Свою. Я ей придумала имя, и оно очень хорошее, но я тебе расскажу, когда ты придёшь, потому что по телефону неинтересно. Ты приходи. Ладно?

Лия не смотрела на телефон. Она смотрела на главный экран, где медленно ворочался кусок южного неба — по-

ле обзора широкоугольного обзорного массива, две тысячи квадратных градусов, прошитые звёздами, как чёрная ткань булавками. Где-то в этой ткани была дырка. Три недели назад её там не было.

— А ещё Лео сказал, что созвездий нельзя придумывать новых, что они все уже придуманы давно-давно, но это же неправда, да? — продолжал голос. — Потому что если очень долго смотреть, всегда найдёшь своё. Я нашла. Я завтра покажу.

Завтра не наступило. Между этим словом и звонком соседки прошло восемь минут — Лия знала точно, потому что считала их потом тысячу раз, и ещё тысячу, и каждый раз получалось восемь, ровно восемь, и в эти восемь минут телефон лежал у неё экраном вниз, а она смотрела на график.

Тогда был другой график. Но экран был такой же синий, и она так же не подняла головы.

Лия отстукала по краю пульта восемь раз — указательным, как метроном. Привычка. Считать помогало. Считать было единственное, что она умела делать с чем угодно: с горем, с бессонницей, с этой дыркой в небе. Ты берёшь невыносимое и превращаешь в число, и число можно держать в руках, не обжигаясь.

Дырка называлась в журнале наблюдений HV-1. Высокоширотная пустота, объект первый. Лия не любила это имя; оно звучало так, будто там что-то есть. Там ничего не было. Не темнота — темнота тоже что-то, темнота полна фото-

нов, идущих издалека, реликтового света, пыли, подсвеченной чужими солнцами. Здесь не было и этого. Прямоугольная — нет, не прямоугольная, у неё не было формы, форма требует границы, а у HV-1 граница была такая, что приборы её не любили, — область, из которой не приходило ничего. Ноль. Чистый, отполированный ноль, какого в природе не бывает, потому что природа шумит всегда.

Звезда внутри пустоты не взорвалась. Лия проверяла. Сверхновая оставляет после себя расширяющуюся оболочку, рентген, нейтрино, грохот на пол-галактики. Чёрная дыра искривляет свет вокруг себя, гнёт фон в линзу. Здесь не было ни того, ни другого. Звезда — жёлтый карлик, спектрального класса G, ничем не примечательный, с каталожным номером и, наверное, с планетами, потому что у таких всегда планеты, — звезда была, а потом её не стало, и между «была» и «не стало» не было процесса. Только «до» и «после». А посередине — ничего.

Гаснуть — это процесс, думала Лия. Здесь нет процесса. — Я тебя люблю, — сказал телефон. — Спокойной ночи. Приходи.

Запись кончилась. Зал управления выдохнул свою холодную тишину. На запястье у Лии, поверх синей вены, сидела детская резинка для волос — выгоревшая, растянутая, с двумя пластмассовыми вишенками, одна треснула. Лия повернула её большим пальцем. Это не помогало. Это никогда не помогало, и она всё равно делала это, как делают все бес-

смысленные вещи, от которых нельзя отказаться.

На экране сменился кадр. Алгоритм, который она запустила вечером — глупый, грубый алгоритм, ищущий совпадения, — выложил поверх звёздного поля три новых маркера. Три точки. Раньше была одна.

Лия перестала вертеть резинку.

Три пустоты. Не одна, а три, и они стояли не как попало. Они стояли вдоль линии. Лия наклонилась к экрану так близко, что почувствовала его тепло щекой. Линия была слегка изогнута — дуга, кусок огромной окружности, — и если продлить её в обе стороны, мысленно, пальцем по стеклу...

Случайность не строит дуг. Случайность рассыпает горох. Три точки на дуге — это уже не горох. Это чья-то рука.

Она просидела так до рассвета, и рассвет был серый, и небо за окном побледнело и спрятало звёзды, и дырки вместе с ними, как будто ничего и не было.

2

Праздник кончился неделю назад, но никто не убрал.

В большом холле Института межмасштабной физики висел над дверью транспарант — «МЫ НЕ ОДНИ ВО ВСЕЛЕННОЙ. МЫ — ПЕРВЫЕ, КТО СКАЗАЛ ОБ ЭТОМ ВСЛУХ», — и одна его сторона уже отклеилась и свисала, открывая бетон. На столе у окна стояли пустые бутылки из-

под того, что выдают за шампанское, когда бюджет урезали, и тарелка с засохшими канапе. На стене напротив — большая фотография: решётка антенн в пустыне, две сотни белых тарелок, обращённых в небо все разом, как поле подсолнухов, перепутавших солнце. Под фотографией золотом: «ПРОЕКТ „МАЯК“. ПЕРВЫЙ КОГЕРЕНТНЫЙ СИГНАЛ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА».

Лия прошла мимо, не глядя. Она знала эту фотографию наизусть, как голос дочери. Она стояла в первом ряду, когда её снимали. Она нажимала кнопку — не одна, конечно, кнопок было много и людей много, но в ту версию истории, которую Лия рассказывала себе, кнопку нажимала она.

— Ты выглядишь как человек, который не спал, — сказала Сэм.

Сэм сидела на столе, болтая ногами, в одном наушнике — второй висел на проводе у ключицы, и оттуда тонко, как из ракушки, тёк какой-то быстрый барабан. В руках Сэм вертела мультитул, раскладывала и складывала, раскладывала и складывала. Сама была лет на двадцать моложе Лии и верила во всё, во что Лия когда-то верила, и от этого на неё было больно и сладко смотреть, как на старую свою фотографию.

— Я не спала, — сказала Лия. — Мне нужно, чтобы ты кое-что для меня посчитала. Тихо.

— У нас всё тихо. — Сэм прыгнула со стола. — Никто ничего не делает. Все ждут ответа. Великий сигнал ушёл, те-

перь сидим у радио, как бабушки. — Она сказала это с нежностью; она гордилась «бабушками». — Что считать?

Лия достала планшет. На нём были три пустоты, дуга и линия, продолженная в обе стороны рукой, которая не дрожала только потому, что Лия не позволяла.

— Эти три области. — Лия не назвала их пустотами. — Я хочу знать, лежат ли они на одной поверхности. Не на линии — на конусе. Возьми их угловые координаты и красные смещения, восстанови трёхмерное положение и проверь, выходят ли они из одной точки.

Сэм взяла планшет. Барабан тёк из наушника. Она смотрела на три точки тем взглядом, каким смотрят на красивую задачу, ещё не зная, что задача про конец света.

— Из какой точки? — спросила Сэм. — Откуда должен выходить конус?

Лия не ответила сразу. На стене за спиной Сэм была другая стена — поменьше, у лифта, куда не водили журналистов. Там висели фотографии тех, кто работал над «Маяком» с самого начала и не дожил до запуска. Двое умерли своей смертью, старики. Один — нет. Лия каждый раз отыскивала глазами пустое место рядом с теми тремя, место, где должна была висеть ещё одна фотография и не висела, потому что человек на ней был жив, но его убрали отовсюду, со всех стен, из всех списков, и из её жизни тоже, потому что так было удобнее.

— Из решётки, — сказала Лия. — Проверь, не выходит

ли конус из решётки «Маяка». Из той точки и в ту сторону, куда мы транслировали.

Сэм перестала вертеть мультитул.

— Зачем? — спросила она, и в голосе у неё было что-то осторожное, как у человека, который слышит на лестнице шаги и ещё не решил, бояться или нет.

— Просто посчитай, — сказала Лия. — И никому. Пока.

Она сказала это слишком ровно, и Сэм услышала ровность, потому что Сэм была умная — умнее, чем думала о себе. Лия повернулась уходить.

— Лия. — Сэм остановила её. — Ты ведь поставила всё на этот сигнал. Я читала. Когда комитет резал финансирование, ты пошла ва-банк, заложила всю программу под «Маяк», тебе говорили — это безумие, а ты... — Сэм запнулась. — Я поэтому к тебе и пришла. Я хотела работать с человеком, который не боится поставить всё.

— Я знаю, зачем ты пришла, — сказала Лия.

— Так зачем нам теперь конус? — тихо спросила Сэм.

Лия посмотрела на отклеившийся транспарант, на бетон под буквой «О» в слове «ОДНИ».

— Я тебе расскажу, когда ты посчитаешь, — сказала она. — По телефону неинтересно.

И ушла, и только в лифте поняла, что сказала словами дочери.

Дом был тот же. Лия не съезжала. Ей говорили съехать — терапевт говорил, сестра говорила, даже Дэниел в те последние их разговоры, прежде чем они перестали разговаривать совсем, сказал однажды устало: «Ли, ты живёшь в склепе». Но дом был не склеп. Склеп — это где лежит мёртвое. А здесь мёртвого не лежало; здесь не лежало вообще ничего Майиного, кроме как в одной комнате, и эту комнату Лия держала закрытой, и от этого весь остальной дом был просто дом, где можно греть еду и не спать.

В этот вечер она открыла дверь.

Она делала это редко, по особым числам, которых никому не называла. Сегодня было не число. Сегодня была дуга на небе и конус, выходящий, может быть, из решётки, и Лии нужно было побыть там, где Майя ещё была всем, а не числом.

Комната держала темноту, как держит её шкатулка. Лия не зажгла свет. Она стояла в дверях и ждала, пока глаза привыкнут, и пока они привыкали, проступали звёзды.

Их было сто двадцать. Лия считала, конечно. Сто двадцать пластмассовых звёзд, наклеенных на потолок, заряжавшихся днём от окна и теперь отдававших тусклый зеленоватый свет, ровный, неживой, ласковый. Майя клеила их сама, встав на стул, на стул на кровати, что было запрещено, и Лия запретила, а потом разрешила, потому что Майя сказала: «Я делаю своё небо, его нельзя делать с пола».

Кровать стояла под звёздами, застеленная, пустая. Над изголовьем, там, где Майя их сгустила нарочно, гуще всего, было её созвездие. То самое. Безымянное. Майя соединяла эти звёзды взглядом во что-то, что видела только она, и придумала имя, и не сказала, потому что по телефону неинтересно, а завтра не пришло.

Лия легла на кровать дочери, поверх покрывала, не разуваясь, и смотрела вверх, в чужое небо, которое не гасло, потому что было ненастоящим.

Телефон зазвонил в кармане, и Лия дёрнулась так, будто её ударили током, — потому что в этой комнате, в этой темноте, на этой кровати телефонный звонок звучал ровно как тот, единственный, который она когда-то не услышала.

Сэм.

Лия не хотела отвечать. Рука сама поднесла телефон к лицу, экраном вниз сначала, и Лия перевернула его, и впервые за три года ответила на звонок из этой комнаты.

— Лия. — Голос Сэм был не такой, как утром. Из него ушёл барабан. — Лия, я пересчитала четыре раза.

— И? — сказала Лия в темноту. Сто двадцать звёзд смотрели на неё сверху.

— Они лежат на конусе. Все три. Угол раствора шесть и две десятых градуса. Вершина... — Сэм запнулась, и Лия услышала в трубке, как она дышит. — Вершина в решётке. Лия, конус выходит из решётки «Маяка». Вдоль оси трансляции. Точно вдоль. Я искала ошибку. Я не нашла ошибку.

Лия смотрела на безымянное созвездие дочери и молчала.

— Лия, — сказала Сэм совсем тихо, тем голосом, каким спрашивают то, на что не хотят ответа. — Что мы сделали?

За окном настоящие звёзды уже зажглись, и среди них, невидимая глазу, ползла дуга из трёх дыр, и где-то на этой дуге была вершина, и из вершины девять дней назад ушёл сигнал — когерентный, изящный, прекрасный, — и сказал в темноту между мирами: вот, посмотрите, здесь живут. Здесь умеют смотреть на потолок и находить своё небо. Здесь умеют любить.

Приезжайте.

4

К утру Лия построила конус.

Она спроецировала его на купольную карту в малом планетарном зале института — пустом в этот час, гулком, с креслами, обращёнными вверх, как тарелки решётки, как подсолнухи, как все в этой истории, кто смотрел не туда. Над ней раскрылось всё небо разом, плоское, сведённое в полусферу, и по нему она провела конус: вершина в точке решётки, ось вдоль трансляции, шесть и две десятых градуса раствора. Бледная воронка света легла на звёзды.

Три пустоты сидели на её стенке, как три бусины на нитке.

Лия отстучала по подлокотнику — раз, и ещё, и ещё, потому что трёх было мало, трёх всегда было мало. Она запу-

стила алгоритм заново — пусть ищет не три, а все. Пусть прочешет архив, год за годом, кадр за кадром, всё южное небо, и найдёт каждую дырку, какая есть.

Купол думал минуту. Потом начали зажигаться маркеры.

Не три. Девять. Двенадцать. Лия смотрела, как они высыплют на купол, и каждый ложился на стенку конуса, ни один — мимо, ни один в стороне, все на воронке, все на нитке, как будто кто-то аккуратно нанизывал бусины от вершины и дальше, дальше, в обе стороны вдоль луча.

Семнадцать. Девятнадцать.

И тогда Лия увидела то, от чего у неё похолодело в животе сильнее, чем от числа.

Маркеры были не равномерны. Гуще всего они стояли там, далеко, у дальнего среза конуса, в самой глубине, куда сигнал ещё даже не мог дойти, — нет, поправила она себя, поправила привычно, по-учительски, свет старей, мы видим прошлое, эти звёзды погасли давно по их часам, но по нашим... По нашим это значило, что пустоты гуще там, где раньше, и реже — здесь, где недавно. Их рождали не в случайном порядке. Их рождали по порядку. С дальнего конца. И ряд их шёл оттуда сюда.

К вершине. К решётке.

К ней.

Лия встала. Подлокотник остался гудеть под пальцами. Над ней висела воронка с нанизанными дырами, и она вдруг увидела её не как конус, а как то, чем она была: как след.

Как борозду. Как будто кто-то ведёт пальцем по странице, читая, и палец идёт по строчке, и строчка — это их рукав Галактики, и читающий уже прочёл далёкое и приближается к ближнему, и ближнее — это они, это Солнце, это дом, это сто двадцать пластмассовых звёзд на потолке закрытой комнаты.

«Свет старый, — сказала себе Лия в третий раз, и теперь это звучало не как поправка, а как приговор. — То, что мы видим в небе, уже случилось. Значит, оно ближе, чем кажется».

Она знала, кто ей нужен. Она знала это, наверное, с той секунды у пульта в три часа ночи, когда дырок стало три. Ей нужен был человек, который всё это уже сказал — давно, громко, на слушаниях, при свидетелях, — и которого за это называли сумасшедшим, лишили денег, стёрли со всех стен. Человек, чью фотографию убрали с институтской стены, чтобы было удобнее. Человек, которого она не защитила тогда, потому что у неё был «Маяк», а у него — только правда, и правда была невыносима, а «Маяк» был прекрасен.

Лия выключила купол. Звёзды погасли все разом, и дыры вместе с ними, и стало просто темно — обычной, честной темнотой пустого зала.

Ей предстояло найти Элиаса Рота.

Часть 2. Кассандра

5

Рот жил в одной комнате на краю города, где улицы перестают притворяться, что куда-то ведут.

Лия поднялась на четвёртый этаж пешком — лифт не работал, и по запаху подъезда было ясно, что не работает давно. На площадке пахло кошками и остывшей едой. Дверь Рота она узнала сразу: на ней мелом, прямо по краске, было написано уравнение. Длинное. Лия прочла его, и пальцы её замерли на полустуке, потому что уравнение было не бредом. Уравнение было метрикой пространства-времени, записанной в его частной нотации, той самой, что он завёл двадцать лет назад и которой учил её, и в правой части стоял оператор, какого она никогда не видела, — что-то сворачивающее, складывающее, и под ним от руки было подписано одно слово: «розетка».

Она постучала. За дверью стало тихо — той особой тишиной, когда человек замер и слушает.

— Элиас, — сказала Лия в дверь. — Это я.

Долго ничего. Потом замок, цепочка, ещё замок. Дверь приоткрылась на ладонь, и в щель глянул один глаз — водянистый, в красных прожилках, и узнавший её мгновенно, и от этого узнавания ставший ещё несчастнее.

— Ты пришла теперь, — сказал Рот. Голос был сорван-

ный, будто им давно не пользовались по делу. — Раньше не приходила. А теперь пришла. Значит, началось.

Он впустил её.

Комната была завалена бумагой. Не беспорядок — наоборот, ужасающий порядок, стопки и стопки, исписанные той же нотацией, и стены тоже, стены были исписаны до потолка, поверх обоев, поверх трещин, мелким бисерным почерком, который Лия знала, как почерк родителя. У окна стоял стол, и на столе — старый монитор, и на мониторе застыл график, и график был спектр, и в спектре Лия узнала линию.

Рот сел на единственный стул. Руки у него лежали на коленях, и они дрожали — мелко, непрерывно, как будто внутри работал моторчик, который он не мог выключить. Он смотрел на Лию слишком долго, не моргая, тем взглядом, от которого хотелось проверить, всё ли у тебя в порядке с лицом.

— Сколько их уже? — спросил он.

— Я нашла девятнадцать, — сказала Лия. — Они на конусе. Вершина в решётке.

— Будет больше. — Рот кивнул, как кивают давно ожидаемой плохой новости. — Я считал по-другому, без архива, у меня нет доступа к архиву, меня к архиву... — Он махнул рукой, отпуская обиду, которая была слишком стара, чтобы её договаривать. — Я считал по теории. По теории их должно быть около сорока к этому числу. Ты увидишь сорок, когда дочистишь свой алгоритм. — Он помолчал. — Ты ведь пишешь алгоритм. Ты всегда сначала пишешь алгоритм, а

потом начинаешь бояться. У тебя это задом наперёд. У нормальных людей сначала страх.

— Скажи мне, что это, — сказала Лия. — Ты знал раньше всех. Скажи мне, что это, своими словами, как есть.

Рот встал. Подошёл к стене, к тому месту, где нотация сгущалась, как звёзды над кроватью Майи, и положил на неё ладонь — дрожащую ладонь на дрожащие уравнения.

— Это не катастрофа, Лия, — сказал он тихо. — Я знаю, ты пришла за катастрофой. За взрывом, за волной, за чем-то, что налетает. Этого не будет. Это не буря, которая приходит. Они не приходят, как приходит буря. — Он повернулся к ней, и в водянистых глазах стояло что-то почти ласковое, почти жалость. — Они уже здесь. Так, как картина уже висит на стене до того, как ты вошла в зал. Тыходишь — а она висит. Она висела всё время. Просто ты её не видела.

— Кто — они?

— Кураторы, — сказал Рот. — Я их так зову. Можно звать иначе, имя ничего не меняет. Те, кто собирает. — Он провёл пальцем по оператору на стене, по сворачивающему знаку. — Есть измерение выше нашего. В нём — собрание. Галерея. И в этой галерее висят вселенные, Лия, свёрнутые в точки, каждая со звезду величиной была, а стала с атом, и в каждой — всё, что в ней было, целиком, навсегда, и оно идёт внутри, медленно-медленно гниёт, но не может развернуть само себя. Их собирают, как мы собираем бабочек. За красоту. — Он посмотрел на неё. — За изящество. За то,

что вселенная вышла стройной, и в ней завелось что-то, что умеет себя осознавать, и это что-то однажды... — Он не договорил.

— ...однажды объявило о себе, — сказала Лия.

Тишина в комнате стала плотной.

— Ты послала открытку, — сказал Рот без злости, и от того, что без злости, было совсем невыносимо. — Красивую. «Здесь живут. Здесь умеют любить. Приезжайте». И они едут. Они уже в пути. Пустоты — это не то, куда они придут. Пустоты — это розетки. Места, где ткань уже распустили, чтобы вынуть. Где они уже начали брать.

6

Сорайя Дешам выравнивала предметы на столе, и по тому, как она их выравнивала, Лия поняла, что та уже знает.

Кабинет директора проекта был слишком ровный — всегда был слишком ровный, но сегодня особенно: степлер параллельно краю стола, ручки в ряд по росту, кофейная чашка в центре подставки, точно в центре. Сорайя двигала чашку на миллиметр и смотрела, ровно ли. Чашка была полная и, судя по плёнке сверху, давно остывшая.

— Девятнадцать точек на конусе — это девятнадцать точек на конусе, — сказала Сорайя, не поднимая глаз. На ней был тот же блейзер, что вчера, и позавчера, Лия была почти уверена; ткань на локтях начала заминаться. — Это корреля-

ция, Лия. Красивая. Пугающая. Но это корреляция, а у меня в коридоре триста человек, и за стенами института восемь миллионов, и моя работа — не корреляция. Моя работа — чтобы эти восемь миллионов завтра проснулись и пошли на работу.

— Это не корреляция, — сказала Лия. — Рот вывел это из теории три года назад. Из первых принципов. Он предсказал и форму конуса, и угол, и порядок появления — от дальнего к ближнему. Он предсказал это до того, как мы нажали кнопку. Я могу показать тебе расчёт.

— Рот. — Сорайя наконец подняла взгляд, и в нём была усталость такой глубины, что злость в ней утонула. — Ты пришла ко мне с именем Рота. Лия. Ты, из всех людей. Ты сидела на тех слушаниях. Ты слышала, что он говорил. Он говорил, что сигнал «паметит нас для жатвы». Он говорил это словами «жатва» и «нас», стоя перед комитетом, который решал, дать ли нам денег. Что я должна была сделать? Дать денег пророку конца света — или человеку, который обещал первый контакт?

— Ты дала контакту, — сказала Лия.

— Я дала контакту. — Сорайя выровняла степлер, который и так был ровен. — И ты дала. Ты заложила всю программу под «Маяк». Не я одна подписывала. Не надо приходить сюда и смотреть на меня так, будто подписывала я одна.

Это было правдой, и от правды у Лии онемели губы. Она сжала на запястье резинку дочери, под рукавом, чтобы Со-

райя не видела.

— Институт даст мне группу? — спросила Лия. — Время на решётке? Доступ к моделированию? Мне нужно проверить, можно ли это остановить.

— Нет, — сказала Сорайя. И, прежде чем Лия открыла рот: — Не потому, что я тебе не верю. А потому, что в ту секунду, когда я выделю группу на проверку гипотезы «мы убили вселенную», эта гипотеза станет фактом — для трёхсот человек в коридоре, потом для прессы, потом для восьми миллионов. Я не остановлю ни одной звезды. Я только поднесу спичку к панике. — Она аккуратно отодвинула остывшую чашку на край стола, точно на угол подставки. — Если ты права, я ничего не успею сделать. Если ты не права, я разрушу всё зря. В обоих случаях мне выгоднее молчать. Это называется управление кризисом, Лия. Это не трусость. Это арифметика.

— Я тоже умею арифметику, — сказала Лия, вставая. — Я только ею и занимаюсь. Я считаю, сколько у нас осталось. У двери она обернулась.

— Сколько ты не спишь, Сорайя?

Рука Сорайи замерла над степлером.

— Это не относится к делу, — сказала она.

— Девятнадцать дней? — сказала Лия. — Ровно с запуска?

Сорайя не ответила. Она снова придвинула чашку к центру подставки и стала смотреть, ровно ли стоит.

Работали втроём, по ночам, на старом железе, которое Сэм таскала из списанного и собирала в углу лаборатории, отгороженном стеллажами от чужих глаз.

Рот не выходил из лаборатории совсем. Он спал на раскладушке между серверными стойками, и Лия не была уверена, что он спит, — она приходила в четыре утра и заставляла его сидящим, с тетрадью на коленях, выписывающим в свою нотацию что-то, чего она не успевала прочесть. Он исписал торец стеллажа. Он исписал бок холодильника, где Сэм держала энергетики. Он начинал писать на ладони Лии, когда хотел что-то показать срочно, и резинка дочери была однажды утром сплошь в его бисерном почерке, и Лия не стала стирать.

К исходу второй недели у них была модель. Не объяснение — модель не объясняла, как они сворачивают; этого не объяснял никто, и Рот честно говорил, что не знает, что это единственное, чего он не знает. Но модель считала фронт.

— Вот ось, — говорила Сэм, и на экране ползла та самая воронка, теперь живая, дышащая числами. — Вот фронт распускания. Он идёт с постоянной скоростью вдоль причинной сети — не по пространству, Лия, я три дня не могла понять, почему оно идёт не по пространству, а по причинности, по тому, что на что влияет, — но скорость постоян-

ная. Я её замерила по разнице между ближними пустотами. И вот сюда. — Маркер пополз к маленькому жёлтому кружку у вершины конуса. — Вот мы.

— Когда, — сказала Лия. Не вопрос. Она уже отстукивала пальцами по столу, заранее.

— Фронт дойдёт до окраины Солнечной системы через девять-одиннадцать недель, — сказала Сэм. — Это то, что увидят глазами. То есть когда первая дыра станет видна без приборов, в живом небе, у нас будет около двух месяцев до того, как оно придёт сюда.

— Нет, — сказал Рот от стеллажа, не оборачиваясь. — Скажи ей вторую цифру.

Сэм закусила губу.

— Есть вторая цифра, — сказала она. — Хуже. Рот заставил меня посчитать вторую цифру, и я бы хотела её не считать. — Она вывела на экран второй маркер, красный, и он стоял гораздо левее, гораздо раньше. — Это не про то, когда оно придёт. Это про то, когда мы потеряем возможность вмешаться. Понимаешь, чем больше они сворачивают нашей причинной сети, тем твёрже становится мембрана между нами. Каждая свёрнутая звезда — это как стежок, которым нас зашивают изнутри. После какой-то доли свёрнутого объёма дверь уже не открыть. Стена почти достроена, и в неё не пройти. — Сэм посмотрела на Лию. — По модели эта точка — через три недели. Три недели, чтобы что-то сделать. Потом — только смотреть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.